

Наше самое высшее образование*

Сергей Гуриев**

Самое лучшее в мире

Когда я поступал в вуз в 1988 г., я был твердо уверен, что наше высшее образование – самое лучшее в мире. Мой выбор Московского физико-технического института (Физтеха) был основан не только на том, что оттуда не берут в армию, но и на том, что – по слухам – диплом Физтеха (как и нескольких других вузов) «признается» на Западе. То, что дипломы подавляющего большинства наших вузов на Западе «не признаются», казалось мне странным пережитком холодной войны, и я был уверен, что вскоре дипломы и среднего российского университета будут приравнены к дипломам среднего американского. Впрочем, все мои знакомые говорили о том, что Физтех не просто лучше среднего американского вуза, но и не уступает своему американскому аналогу – Массачусеттскому технологическому институту (MIT). Меня опять-таки несколько смущало то, что никто из моих знакомых, как и большинство преподавателей Физтеха никогда в MIT не были. На Физтехе не было иностранных студентов, а визиты иностранных профессоров начались только в конце 1980х; даже нашему поколению студентов пришлось подписать вторую форму допуска к секретным сведениям, и многие из моих однокурсников получили загранпаспорт лишь через пять лет после окончания вуза.

Однако и с этим беспокойством я мог справиться – считалось, что советская наука была настолько мощной и самодостаточной, что могла и сама по себе успешно развиваться в изоляции. Академия наук вела исследования по всему фронту наук и наши достижения в области естественных наук были налицо. Поэтому я был абсолютно уверен, что для того, чтобы стать ученым, надо хорошо учиться на Физтехе и стать научным сотрудником Академии наук, защитить кандидатскую и докторскую диссертацию. Я вполне успешно продвигался по этому пути – закончил Физтех на все пятерки и быстро защитил диссертацию. Я, наверно, так и не узнал бы, как устроен MIT, но в это время, как удачно выразился Виктор Пелевин, «... СССР, который начали обновлять и улучшать... улучшился настолько, что перестал существовать (если государство способно попасть в нирвану, это был как раз такой случай)». Вместе с ним в нирвану отправилась и советская Академия наук. Возникшая на ее месте Российская академия внешне очень напоминала свою предшественницу – это были те же здания, там работали те же замечательные люди. Проблема была только в одном –

* При работе над этой главой мне очень помогли обсуждения с авторами других глав, моими коллегами в РЭШ и ЦЭФИР, а также с Эриком Берглофом, Максимом Бойко, Рубеном Варданяном, Андреем Волковым, Владимиром Кинелевым, Дмитрием Ливановым, Андреем Марковым, и Борисом Салтыковым.

** Ректор Российской экономической школы.

в РАН нельзя было сделать научную карьеру международного уровня. Дело было не только в том, что ученым платили нищенскую зарплату и профессия ученого потеряла престиж в обществе. В новой Академии в обозримой перспективе не вырисовывались ни закупки, ни подписки на журналы, ни деньги на командировки, ни вспомогательный персонал – ничего из того, что, очевидно, требуется для конкурентоспособных исследований.

Понимание невозможности сделать научную карьеру пришло ко мне не сразу – тогда, когда все мои однокурсники, которые хотели стать учеными, уже уехали. Не то, чтобы я – как мои старшие коллеги – думал, что трудности носят временный характер; просто я никак не мог до конца осознать, что современной наукой нельзя заниматься по-любительски, на одном энтузиазме. Мне казалось, что – как в 18 или 19 веке – можно стать ученым без зарплаты, оборудования, помощников и т.д.

Потом я все-таки поехал в MIT и, проработав там год, понял, что наукой надо заниматься профессионально – иначе это бессмысленная трата времени. Меня поразили не только общежития и туалеты (хотя для каждого физтеха это особая боль). Мне понравились не только оборудование, библиотеки, кабинеты профессоров и аспирантов – хотя, опять-таки, в то, что у каждого штатного преподавателя отдельный офис, и даже у аспирантов – по крайней мере стол и компьютер, ни один сотрудник академии не мог бы и поверить (я за три года работы в РАН дослужился до собственного ящика в столе). Главное, что произвело на меня впечатление – это то, что люди действительно занимались *наукой*. Для них это была настоящая работа; полный рабочий день (а для многих – и выходные) были посвящены именно научной работе, обсуждениям, семинарам и конференциям. Именно научные результаты были в центре жизни профессоров и аспирантов. Наверно, как раз так и была устроена жизнь в советской Академии; но я точно, знал, что в РАН на моем веку такого не будет. Впрочем, в MIT было и то, чего Советский Союз не смог обеспечить российским ученым – интеграцию в мировую науку. В MIT работали студенты, аспиранты, и профессора со всего мира. При этом стереотипы о том, что российские ученые и студенты на голову выше остальных, не совсем соответствовали действительности. Мы были не хуже других, но и необязательно лучше – в ведущих американских университетах собраны лучшие таланты не только из США, но и из Европы, и Латинской Америки, Индии, Китая и всего мира. Зато было понятно – если ты лучше всех в MIT, Гарварде, Стэнфорде, Принстоне и Чикаго, ты действительно лучше всех.

Зачем нужны хорошие университеты

Почему все так хотят построить конкурентоспособную систему высшего образования? Почему такие бедные страны, как Индия и Китай (и Корея в 1960х и 1970х) инвестируют огромные средства в то, чтобы построить исследовательские университеты и научные школы мирового уровня,

платят сногшибательные зарплаты, чтобы вернуть своих соотечественников из Америки? В конце концов, эти страны – как и многие другие – отлично чувствуют себя без, например, гражданского и военного самолетостроения, покупая Боинги и Аэробусы. Международное разделение труда позволяет процветать, специализируясь на небольшом количестве продуктов и услуг. Одна из богатейших стран – Швейцария живет за счет банков, сыра, шоколада, часов и туризма, но не производит автомобилей, а Швеция производит автомобили, но не производит компьютеров.

Однако, высшее образование – это особый продукт. В современной экономике – глобальной и постиндустриальной – именно хорошие университеты создают критическую массу талантов для *динамической* конкурентоспособности страны. Мир быстро меняется, и мы должны быть достаточно мобильны для того, чтобы не просто перестраивать свою экономику вслед за ним, а быть не переднем крае изменений. Так и только так можно преуспеть в создании и получении стоимости в новых секторах до того, как их освоят другие. Поэтому в современной экономике именно конкурентоспособная система высшего образования – ключевой фактор успеха страны.

В отличие от предыдущих десятилетий, когда для экономического развития и роста не хватало природных ресурсов и оборудования, теперь самое главное – это человеческий капитал. Если есть концентрация талантливых и квалифицированных кадров, все остальное приложится. Мобильность глобального рынка капитала заставляет его искать те страны, где капитал принесет наибольший доход. Поэтому именно те страны, которые располагают высшим качеством рабочей силы, привлекают ресурсы и быстрее развиваются. Ключевую роль играет эффект критической массы – чем больше талантов сосредоточено в одном месте, чем выше производительность каждого из них. Неучастие в этой битве обходится слишком дорого – чем больше отставание от лидера, тем труднее его сокращать.

Эффект критической массы означает, что вопрос качества высшего образования важен не только для будущего российской экономики – он касается каждого из нас. Мы зависим от российских университетов не только как потребители услуг их выпускников – врачей, учителей, чиновников, ученых, инженеров. Но для нас – как студентов и родителей студентов – хорошее высшее образование важно и потому, что оно определяет индивидуальную карьеру в глобальной экономике. Если сегодня мы переживаем по поводу утечки мозгов, то завтра нас будет беспокоить то, что утекать уже нечему. Разрушение критической массы талантов приведет к тому, что новые таланты просто не смогут дорасти до международного уровня и не найдут себя в глобальной экономике.

Неладно что-то в датском королевстве

Российские родители хорошо понимают важность высшего образования и говорят об этом не только в опросах общественного мнения – они голосуют и рублем. Родители тратят огромные – по отношению к их доходам – деньги на то, чтобы их дети попали в хороший вуз и получили диплом. В то же время чем дальше, тем больше становится понятно, что система высшего образования не сокращает разрыв с лучшими мировыми вузами, а все дальше отстает от них. Проблема не только в недоступности и дороговизне образования, но и в низком качестве и коррумпированности.

Если судить по статистическим данным, наше высшее образование просто процветает. За годы реформ количество вузов выросло в два раза, а количество студентов – в 2.5 раза. Количество поступающих превысило количество выпускников средних школ. Только за последние пять лет бюджетные расходы в расчете на одного студента в сопоставимых ценах увеличились на 70%. Кроме того, растет и приток частных денег. 15% студентов обучается в негосударственных вузов, подавляющее большинство которых финансируется за счет платы за обучение, а в государственных вузах лишь половина студентов обучается за счет бюджета.

С другой стороны, все показатели *качества* образования находятся на низком уровне и продолжают снижаться. Все опросы работодателей показывают растущую неудовлетворенность российского бизнес-сообщества качеством высшего образования и отсутствием связи между образованием и рынком труда. По всем международным оценкам, российские вузы существенно отстают не только от американских и европейских, но и от ведущих азиатских. В рейтинге 500 лучших университетов мира присутствуют только МГУ (67) и СПбГУ (301-400). Примерно половина выпускников вузов работает не по специальности.

В чем же дело? Как и в других секторах нашей экономики, проблемы высшего образования – это не только отсутствие денег, но и неадекватные стимулы, нехватка лидеров, закрытость отрасли и невосприимчивость к переменам. Винить в этом некого – как только в системе высшего образования кончились деньги, в ней сами собой возникли механизмы выживания, которые по определению не заинтересованы в развитии. Как и в других отраслях, легче проедать капитал, накопленный в советское время (по-прежнему высокую репутацию наших вузов), чем предпринимать болезненные изменения. В бизнесе критерий успеха – это прибыль. Для того, чтобы добиться высокой прибыли в конкурентной экономике, нужно постоянно повышать эффективность, придумывать что-то новое. Но если отгородиться от конкуренции – например, торговыми барьерами, можно получать прибыль и так. В образовании и науке похожая ситуация: если измерять достижения внутри сообщества, то никаких проблем нет и не будет, но стоит только сопоставить их с развитием иностранных конкурентов, то отставание – налицо.

Высшее образование в России по-прежнему катастрофически недофинансировано. Суммарные поступления в систему высшего образования (из государственных и негосударственных источников) составляют около 1% ВВП. В Европе эти расходы находятся на уровне 2% ВВП, а в США – на уровне 3% ВВП. Если же учесть многократную разницу в ВВП на душу населения между Россией и странами ОЭСР, то получится десятикратное расхождение в уровне финансирования. Дело не только в экономическом спаде 1990х. Советская наука и образование были непропорционально сосредоточены в России, поэтому распад СССР по определению сократил наши экономические возможности. Общество просто не согласно платить настолько высокие налоги, чтобы финансировать науку и образование на уровне СССР, а механизм привлечения небюджетных средств до сих пор не создано. Поэтому, несмотря на впечатляющий рост финансирования в последние 5-6 лет, российское высшее образование по-прежнему находится ниже уровня, обеспечивающее производство качественных услуг для общества и экономики – и воспроизводство качественных кадров для самой себя.

Вторая причина – это отсутствие эффективных стимулов к повышению качества. Уровень бюджетного финансирования не зависит от качества и востребованности образования на рынке труда. Другие источники финансирования также не стимулируют повышения качества, так как (а) отсутствуют надежные механизмы мониторинга качества; (б) финансовые ограничения студентов и семей не дают вузам возможности cobrar высокую плату за качественное образование. Ведь назначение слишком высокой платы за обучение ограничивает потенциальный пул абитуриентов и не позволяет отобрать лучших студентов.

Проблемы недостатка средств и отсутствия стимулов взаимосвязаны. И государство, и общество предъявляют платежеспособный спрос на развитие высшего образования. Однако до тех пор, пока в системе высшего образования не будут созданы соответствующие стимулы для повышения качества, ни государство, ни общество не будут готовы существенно увеличить финансирование. С другой стороны, при существующем уровне финансирования средний российский вуз находится в «ловушке бедности» и не сможет обеспечить резкий рост качества даже при изменении системы стимулов.

Поэтому решение проблем высшего образования могут быть только системным и последовательным. Необходимо и резкое увеличение бюджетного финансирования, и структурные изменения. Без дальнейшего увеличения финансирования – хотя бы для 10-20 ведущих вузов – сделать нельзя вообще ничего, но и само по себе увеличение финансирования без структурных изменений не только не приведет к положительным результатам, но может и увеличить сопротивление реформам. Существующие механизмы воспроизведут себя в больших масштабах, а сам

факт получения огромных средств укрепит инсайдеров в том, что отсутствие перемен может приносить существенные финансовые выгоды.

Что делать

Вместо существующего положения дел «мы платим Вам небольшие деньги за защиту от армии, нас не интересует качество» необходим новый социальный контракт между вузами и государством/обществом: государство и общество увеличивают финансирование вузов в обмен на существенное повышение качества образования. Этот контракт будет взаимовыгоден для всех участников. Студенты и работодатели должны знать, что им нужно, но и платить за это; государство должно поддерживать их выбор ваучерами и субсидированием образовательных кредитов. В отдельных случаях государство может выступать заказчиком и платить за подготовку кадров; впрочем, увлекаться этим не стоит – надо помнить, что государство вряд ли может точно предсказать, какие кадры нужны ему, а особенно – частному сектору. Поэтому, если отдать эти решения на откуп чиновникам, неизбежны ошибки и неэффективное расходование средств. Подкрепленные рублем сигналы со стороны студентов, работодателей и государства помогут и университетам повысить свою конкурентоспособность. В свою очередь, так как конкурентоспособные кадры – главный актив в новой экономике, успешные университеты смогут заработать огромные деньги.

Именно партнерство общества, университетов и государства может решить проблему качества в образовании и науке. При определении критериев качества в принципе нельзя полагаться только на государственное регулирование. У Министерства образования и науки нет и не может быть необходимой информации, которой располагает только рынок труда. Министерство должно сосредоточиться на построении механизмов, которые (а) агрегируют информацию, имеющуюся на рынке труда; (б) доводят ее до вузов; (в) создают у вузов стимулы использовать ее при разработке учебных программ.

Для создания стимулов к повышению качества образования необходимо решить две проблемы: создать *независимую* систему оценки качества образования и сделать студента полноправным приобретателем услуг. Студент должен сам выбирать специальность обучения и отвечать за свой выбор рублем. То, что основные средства можно собирать с работодателей – это заблуждение. Если образование хорошее, оно повышает мобильность студента, усиливает его позицию в переговорах с работодателем; получается, что работодатель платит дважды – и за образование студента, и затем за его конкурентоспособность на рынке труда. Основные выгоды от хорошего образования получает студент; поэтому и платить большие деньги готов именно студент – пусть и в кредит. Государство же должно

реализовать принцип «деньги следуют за студентом» путем финансирования ГИФО и поддержки студенческих кредитов.

С другой стороны, для того, чтобы выбор студента был осмысленным, он должен располагать информацией о качестве тех программ, из которых он выбирает. В мировой практике есть целый ряд независимых механизмов оценки качества – это и профессиональные стандарты, разрабатываемые работодателями (тут ключевую роль могут сыграть как РСПП, и Деловая Россия, так и отраслевые ассоциации), так и общие и предметные тесты, проводимые независимыми компаниями (например GRE, GMAT, TOEFL, профессиональные тесты для юристов, бухгалтеров, финансистов и т.д.), а также исследования карьерных достижений выпускников, проводимые кадровыми агентствами. Публикация информации о достижениях выпускников вузов создаст реальную конкуренцию по качеству, причем конкуренция будет действительно интенсивной, так как на кону будут стоять деньги студентов и их родителей.

Гибкость и мобильность

Введение независимой оценки качества образования не означает отмены академической автономии. Напротив, необходимо дать большую свободу университетам в определении учебного плана, организационной структуре и в кадровых вопросах. Как и в других отраслях экономики, рынок должен определять, какой продукт он хочет получить, а производитель – самую эффективную технологию для его производства.

Необходимо дать академическим предпринимателям и стимулы, и свободу. При этом во-первых, модернизация высшего образования необязательно разрушит традиции советского образования. Лучшие из них будут не только сохранены, но и развиты с тем, чтобы производить конкурентоспособные кадры для новой российской экономики. Во-вторых, государство вполне может корректировать рыночный спрос – не рыночными же методами. Если государству и обществу нужны учителя и врачи, то нужно не просто финансировать пед- и медвузы, а резко повысить учителям и врачам зарплату. Иначе средства на подготовку учителей и врачей будут потрачены впустую – выпускники пед- и медвузов не будут работать по специальности.

Как совместить приверженность принципам академической автономии и соответствующее дерегулирование образовательных учреждений и борьбу с коррупцией в вузах. Коррупция и мошенничество – огромная проблема в большинстве российских вузов; насколько она опасна для экономики и общества, станет до конца понятно лишь через десятилетия, когда нынешние выпускники займут ключевые позиции во всей экономике. Однако если не позволить хотя бы 10-20 ведущим вузам экспериментировать со структурой управления и учебных планов, то можно выплеснуть с водой и ребенка. Ни в коем случае жестко навязывать российским вузам европейские правила игры – нужно следовать духу

Болонских соглашений, а не принятому во многих европейских странах способу их реализации. Конечная цель Болонской конвенции – не унификация образования, а мобильность студентов и преподавателей и конкуренция между вузами. Именно в этом состоит попытка Европы наверстать отставание от США, которые выигрывают именно за счет разнообразия форматов, гибкости и конкуренции. Мы не можем просто отделаться заменой пятилетних дипломов специалиста на двухступенчатую бакалавр+магистр – надо сделать так, чтобы вузы действительно предлагали в бакалаврских и магистерских программах принципиально разное содержание. Бакалавриат – это общее высшее образование, развивающее навыки логического мышления, анализа, работы с информацией, выполнения проектов, и т.д. В бакалавриате необходимо сломать факультетские барьеры – студенты должны иметь возможность брать курсы по максимально широкому профилю. Магистратура – программа углубленного изучения конкретной специальности. Надо поощрять и переход на другой факультет или в другой вуз после бакалавриата. Не надо бояться и того, что выпускники не смогут найти себя на рынке труда сразу после бакалавриата. Я преподавал в бакалавриате Принстона и был научным руководителем сразу нескольких бакалаврских дипломных проектов. Ни один из них не был узким специалистом в нашем понимании (когда вся учебная программа сосредоточена на одном факультете). Тем не менее, они быстро приобретали навыки, необходимые для решения исследовательских задач, знали как работать с информацией и данными, и были уверены в своих силах. Все выпускники бакалавриата либо нашли отличную работу на американском рынке или продолжили обучение в магистратуре или докторантуре.

Навязывать новую структуру образования бессмысленно. Разрабатывать содержание новых программ – и доказывать их преимущество в конкурентной борьбе с другими университетами – должно не Министерство, а сами вузы, которые верят в новые идеи. Роль министерства – объяснять принципы Болонской системы и вузам, и обществу, и обеспечивать равные условия конкуренции новым и старым форматам. Несмотря на то, что бакалавриат и магистратура были введены в России уже в 1990х гг., ни общество, ни рынок труда до сих пор не понимают, зачем они нужны. Существующие иллюзии того, что переход на Болонские правила игры сразу сделает наши дипломы признаваемыми, даже опасны. Признание диплома – это функция качества образования, а не его соответствия жесткой структуре учебного плана.

Главное – люди

В МИТ я понял еще и то, почему лишь несколько наших университетов признаются на Западе. Хорошего образования без науки не бывает; а у нас настоящая наука была представлена лишь в считанном числе вузов (либо внутри университета, как, например, на некоторых факультетах МГУ, либо за счет институциональных связей с Академией – как на Физтехе). В

Америке средние университеты, в принципе, тоже не очень высокого качества. Но есть важное отличие: даже там преподают выпускники лучших университетов. В средних университетах просто не выпускают преподавателей – аспирантуры/докторантуры (PhD programs) работают лишь в ограниченном числе университетов. Это происходит не потому, что Министерство образования запрещает – У Министерства даже нет такой власти нет; в принципе, каждый может открыть свою докторантуру. Просто строить плохую докторантуру бессмысленно – ее выпускники все равно не смогут конкурировать с выпускниками хорошей. Поэтому все преподаватели даже средних вузов так или иначе знают, что такое настоящая наука.

Почему так необходима интеграция науки и образования? Широко распространено мнение, что лучшие исследователи – как правило, неважные преподаватели. Но человек, который плохо преподает то, что знает, все равно лучше того, кто отлично преподает то, чего не знает. Кроме того, студенты получают от преподавателей-ученых понимание не просто результатов, но и процесса исследования. А ведь как раз навыки самостоятельной исследовательской работы, постановки и решения нетривиальных задач – это то, что необходимо для успеха в современной экономике.

Неудивительно, что российские вузы потеряли так много талантливых исследователей при переходе к рынку. Именно для них открылись неограниченные возможности самореализации в частном секторе. Те же, кто захотел продолжить научную карьеру, уехали в ведущие зарубежные исследовательские университеты.

Что делать нам делать, когда остающееся в вузах старшее поколение уйдет на пенсию? Где взять новых преподавателей-исследователей? Как возродить или создать критическую массу талантов в российских вузах? Ответы на эти вопросы напрашиваются сами собой: интеграция с Академией наук и возвращение диаспоры. Несмотря на то, что утечка мозгов нанесла Академии наук не меньший ущерб, чем вузам, у Академии есть существенное преимущество: ее внутренняя «корпоративная культура» ориентирована на исследования. Поэтому необходимо всячески поощрять интеграцию Академии и вузов. Во-вторых, нам очень повезло, что у нас есть конкурентоспособная диаспора. Это наш главный шанс на успех в возрождении науки и высшего образования. Нужны массовые вложения в обращение утечки мозгов, специальные стипендии для россиян, возвращающихся после получения образования или работы в западных университетах. К сожалению, молодым возвращающимся ученым придется платить огромные по российским меркам деньги. Другого выхода здесь нет – рынок научных кадров в Америке очень конкурентен и некоторые профессора получают больше Президента США – и уж тем более больше Президента РАН или Ректора МГУ.

Очевидно, что высокие зарплаты возвращающимся вызовут законное негодование неухавших. Поэтому обращение утечки мозгов – задача совсем нетривиальная даже при наличии денег. Но без ее решения возрождение российской науки и высшего образования обойдется еще дороже. Особенно опасны искушения борьбы с утечкой мозгов административными мерами, удержание кадров от отъезда – наука глобальна, поэтому ученый с опытом работы за рубежом по определению гораздо более ценен и полезен для развития науки в России.

Для обращения утечки мозгов необходимо воспользоваться американским опытом – тут могут помочь конкурсное распределение исследовательских грантов и частная благотворительность (особенно практика эндаументов). Если исследовательские конкурсы открыты для всех, а решения принимаются международными экспертами (в том числе и представители диаспоры), то перспективные молодые ученые могут получить существенную поддержку. Но и лучшие из неухавших тоже не будут обойдены золотым дождем. Кроме того, так как социальная структура общества и расслоение доходов в России скорее похожи на американские, чем на европейские, частная благотворительность может сыграть ключевую роль в борьбе с утечкой мозгов. Если богатые россияне учредят эндаумент(ы) для возвращающихся ученых, то ни государство, ни инсайдеры не смогут на него претендовать, ни упрекать доноров в несправедливости – так уж устроена частная благотворительность.

Уроки реформ

Реформаторы 1990х гг. – как и реформаторы 2000х – хорошо понимали эти проблемы, зная, что и наука, и высшее образование не могут продолжать работать по советской модели. Если нет денег на всю советскую науку (а это неизбежно), то лучше иметь немного отличных ученых и университетов, чем много средних. Реформаторы понимали и необходимость встраивания российской науки в мировую, интеграции науки и образования, дерегулирования и академической автономии, финансирования исследований на конкурсной основе – иными словами все то, что стоит на повестке дня реформ и сегодня. Тем не менее большого успеха добиться так и не удалось; более того, многие из этих правильных идей даже были скомпрометированы в общественном сознании. Во-первых, реформы 1990х были обречены по политическим соображениям. Реформаторы не могли сотрудничать с поклонниками прошлого режима. Но ученые и преподаватели – привилегированный класс в СССР – по определению не могли простить правительству экономических реформ, которые лишили их и денег, и статуса, и перспектив. Поэтому реформаторы сразу восстали против себя основных игроков отрасли, а новых лидеров взять было неоткуда.

Во-вторых, денег отчаянно не хватало, и это автоматически привело к самоотбору – лучшие ученые уехали, лучшие предприниматели и менеджеры ушли в частный сектор. В образовании и науке остались лишь

наиболее стойкие; впрочем, и они все меньше тратили времени и сил на науку, и все больше – на выживание института, на поиск средств. Возрастной водораздел также сыграл свою роль – по понятным причинам средний возраст лидеров высшего образования и науки вырос, а старшее поколение всегда сопротивляется экспериментам и переменам – просто потому, что их результаты будут заметны нескоро.

Интересно, что несмотря на отсутствие денег, и число институтов РАН, и число университетов выросло. Вопреки необходимости построения критической массы, средства продолжали распыляться. Это – естественное следствие бюрократической системы управления. В отличие от частного сектора, бюрократия никогда не признает ошибок: обанкротившиеся учреждения не закрываются. Если учреждение не добивается успеха, оно продолжает существовать, зато в бюрократии возникают новые идеи и лидеры, и рядом со старым возникает новое.

Как и в экономических реформах, история реформы образования в России показывает, что важно не только то, что делается, но и как, в какой последовательности и в каком контексте. Конечно, реформы проводить легче при наличии больших денег. Правда, в этом случае гораздо труднее доказать необходимость реформ. Во-вторых, нужно лучше объяснять и обществу, и ключевым игрокам образовательного сектора необходимость и срочность изменений, разоблачать мифы о преимуществах статус кво. В-третьих, нельзя делить ученых на своих и чужих; необходимо опираться на хороших преподавателей и исследователей вне зависимости от возраста и партийной принадлежности – ведь создание конкурентоспособной системы высшего науки по определению в их интересах.

Свет в конце туннеля

Несмотря на обилие и остроту проблем, унывать все-таки не стоит. Многие страны так или иначе успешно справляются с проблемами, аналогичными нашим. Это и некоторые европейские страны и вузы, и Израиль, и Китай, и Индия, и Южная Корея. Кроме того, есть истории успеха и в России – ряд возникших в самое кратчайшее время конкурентоспособных государственных и негосударственных вузов, отдельных побед на фронте обращения утечки мозгов. В России есть и отлично работающая система конкурсного финансирования исследований – Российский фонд фундаментальных исследований.

В отличие от 1990х, теперь не только ясно, что делать, теперь для этого появились и отличные внешние условия – есть деньги в бюджете, есть политическая поддержка потратить их на развитие образования, и есть возможности для реформы структуры управления в вузах. Для того, чтобы сформировать работоспособные попечительские советы, необходимы люди, которые умели и хотели бы в этих советах работать. Такие люди тоже появляются – это самореализовавшиеся за рубежом представители той же научной диаспоры и представители первого поколения российских

предпринимателей, которые начинают отходить от дел. Ставки процента наконец-то снижаются, что позволит реализовать массовые программы образовательного кредитования. Кроме этого, у российских вузов уже очень скоро появятся внешние стимулы вследствие серьезной конкуренции за студентов. Во-первых, демографические изменения резко сократят количество студентов уже в ближайшие годы; придется бороться за иностранных студентов. Во-вторых, экономический рост приведет к тому, что российский рынок станет привлекательным и для иностранных университетов, так что конкуренция возникнет и на внутреннем рынке.

Поэтому коренные изменения не только неизбежны, но и возможны. Впрочем, для того, чтобы они были осуществлены, от всех нас – и вузов, и студентов, и общества, и государства – потребуются серьезные усилия.